

Коридоры власти

Смещая Сабурова с поста председателя Госэкономкомиссии, Хрущев руководствовался чисто деловыми соображениями: не справился, обанкротился – отойди в сторону, уступи место человеку более способному. Процесс абсолютно естественный и в живой природе, и в социуме. Называется он – естественный отбор. Естественный-то он естественный, но только не во власти.

Сабуров получил отставку от пятилетки, но остался полноправным членом Президиума ЦК – коллективного органа руководства страной, в котором все равны: и Хрущев, и он, Сабуров, и его преемник Первухин, и все остальные члены высшего руководства страны, избранные Пленумом ЦК.

Напомню, что Сабуров руководил Госпланом с начала 1941 года и свою отставку от пятилетки, несмотря на полный провал с ее планированием, воспринял, как смертельную обиду. Обиду, которую Сабуров прощать Хрущеву не намеревался. А ведь еще недавно он числился среди самых активных сторонников отца, поддерживал его в освоении Целины, в разоблачении преступлений Сталина и во многих других начинаниях.

Принимая решение об отстранении Сабурова от должности, пусть и совершенно справедливом, отец обязан был учесть политический расклад сил в Президиуме. Настоящий властитель в первую очередь думает о самой власти, а уже потом о деле, ради ее сохранения он, скорее всего, пожертвовал бы пятилеткой, а не Сабуровым. Отец же расставлял приоритеты в обратном порядке – на первом месте у него стояли интересы страны, а все остальное, включая и саму власть... Во власти отец вел себя весьма неосмотрительно, не сколачивал коалиции, как Сталин с Бухариным и Зиновьевым против Троцкого, потом – с Бухариным против Зиновьева, затем – с «молодыми» против Бухарина. Все эти «макиавеллиевы хитрости» претили натуре отца, он их не понимал и не принимал. Отец строил коммунизм, сытную, хорошую жизнь для хороших простых людей и считал, что и окружавшие его люди

всех рангов думают и поступают, как и он сам. А раз так, то, если ты способен принести пользу – приноси, исчерпал себя – отойди в сторону.

Наивно? Более чем наивно.

Я понимаю, что большинство историков, изучающих деятельность Хрущева, теперь уже из иной исторической эпохи, не согласятся со мной. Мои слова противоречат исторической логике. Человек, достигший таких вершин, прошедший через сталинскую школу цинизма и предательства, не может сохранять наивность. Нонсенс это.

Да он просто не выжил бы в том мире со своей наивной верой в торжество справедливости.

Я долго раздумывал над феноменом отца, не соглашался с самим собой, с тем, что я только что написал.

Не уживается политическая наивность с политической логикой. Такого не может быть, потому что не может быть никогда. На самом деле может, и даже очень может быть. Стоило мне отбросить «политическую логику», и все встало на свои места. Ведь это я, а не «политические логики», знаю отца, знаю его, каким он был, а не каким они его «конструируют» по своим, ими же придуманным лекалам.

Человеческая натура, как и обстоятельства жизни, настолько разнообразны, что в них находится место всему, даже самому, казалось бы, алогичному и невероятному. Эта алогичность и помогает порой побеждать логически мыслящих соперников. Побеждать, только пока они не разберутся, что к чему, не поймут, что они терпят поражение не благодаря хитроумности, плетущихся против них интриг, а именно из-за отсутствия каких-либо интриг. Моим родственным рассуждениям трудно поверить. Я это понимаю, но кому как не мне в силу естественной генетической связи дано не просто понимать, но и внутренне ощущать мотивацию поведения отца.

Оглядываясь в прошедшее собственной жизни, я ощущаю эту генетическую связь поколений, некоторые мои собственные поступки ничем, кроме как «непростительной» наивностью, не объяснить. Во многих случаях именно благодаря этой противоречащей логике жизни наивности, а может и просто по везению, мне сходило с рук невероятное. Примеров много, самый яркий – моя работа с мемуарами отца, которые он диктовал после отставки, переправка их за границу. Оглядываясь назад, оторопь берет: на какой узенькой жердочке, перекинутой над бездной, я балансировал: за спиной – КГБ, сбоку – КПК и над ними – всемогущее Политбюро. И все против меня. Следуй я тогда жизненной логике, а меня даже предупреждал знакомый кагэбэшник, что я на волосок от ареста, я, наверное, сорвался бы. Но я не внял предупреждениям. Не скажу, что не понял. Что же тут не понять? Но не внял. Не внял и победил. Наивность порой творит чудеса.

Думаю, что при всей своей опытности и отец до конца дней сохранял спасительную наивность. Иначе бы и он не выдержал. И та же наивность подвела отца в 1964 году, когда соратники, его собственные выдвиженцы, одним щелчком сбросили его с политической сцены. Но об этом в конце книги.

Только политической наивностью я объясняю кадровые перемещения 1955–1956 годов в высшем эшелоне власти, в Президиуме ЦК. Отец сам создавал своих оппонентов, быстро превращавшихся во врагов.

Позволю себе припомнить события последних двух лет. Железный нарком Лазарь Каганович, специалист – не беру это слово в кавычки, хотя и хочется – в наведении порядка на транспорте как до, так и во время войны, организатор топливной промышленности и к тому же человек, проложивший отцу дорогу в большую политику. После столкновения в 1955 году вокруг тепловозов-паровозов, тепловых и гидроэлектростанций отец справедливо счел Кагановича ретроградом, отставил его от курирования транспорта и энергетики, фактически оставил в правительстве без обязанностей. Кагановича, в ранге Первого заместителя

главы правительства, назначили председателем третьестепенного даже не министерства, а Комитета по труду и заработной плате. Теперь ему предстояло копаться в бумажках, которые он всю жизнь ненавидел и в которых он ничего не понимал. Отец подсластил пилюлю, поручил ему произнести 6 ноября 1955 года доклад от имени Президиума ЦК на торжественном заседании в Большом театре, посвященном очередной, 29-й (не круглой, рядовой), годовщине Октябрьской революции. Каганович воспринял это как подачку, но сделал вид, что польщен доверием.

Каганович ничего не понимал в трудовых нормативах, но его вулканический характер не давал ему покоя. Он и там попытался «взять быка за рога», хотя где найдешь быка с рогами в Комитете по труду? Отец забеспокоился, как бы Лазарь Моисеевич не наломал дров, структура зарплат – инструмент хрупкий. Стоит нарушить баланс между суммой выплат и объемом товаров в магазинах, и полки в них опустеют в мгновение ока. Пришлось Кагановичу подыскивать иную должность. Подыскали, 3 сентября 1956 года Лазаря Моисеевича освободили от Комитета по труду и назначили министром строительных материалов на место недавно умершего Павла Александровича Юдина. Титул Первого заместителя Совета Министров за ним сохранился так же, как и очень даже властное членство в Президиуме ЦК КПСС.

С позиции исторической логики и политической целесообразности поддержка Кагановичем в Президиуме ЦК, а он поначалу энергично поддерживал отца, перевесила бы для настоящего властителя любые тепловозы. Но отец искренне верил, что интересы дела выше личных амбиций. Он уже тяготится Кагановичем, дни пребывания последнего в Президиуме сочтены, но отец пока ничего не предпринимает. Каганович, человек по натуре трусливый, да и Сталиным не раз битый, внешне ничем не проявляет своего недовольства, по всякому поводу демонстративно выражает свою приверженность отцу. Правда, накануне XX съезда, во время схватки вокруг доклада о преступлениях Сталина, он переступил через свою природную «осторожность», резко атаковал отца, но тут же отступил, спрятался в свою скорлупу. Против Хрущева Каганович не пойдет, но только до тех пор, пока не почувствует, что фортуна отца покинула. Тогда он, не задумываясь, присоединится к противному лагерю. Он ничего не простил Хрущеву и ничего не забыл.

Молотов тоже оказался в стане противников отца. В отличие от Кагановича, своих расхождений с Хрущевым он не скрывал. До устранения Берии отец и Молотов держались друг друга, общая опасность всегда сплачивает. Когда Берии не стало, их пути начали расходиться шаг за шагом. Консерватор по природе, Молотов не хотел ничего менять, может быть чуть-чуть подправить, а в основном следовать старым курсом. Отец же, напротив, жаждал коренных перемен, он душой восставал против уродств, доставшихся им от Сталина. Отцу с Молотовым оказалось не по пути. Молотов до хрипоты спорил с отцом о целине, навсегда остался противником ее освоения, однако подчинился партийной дисциплине, когда большинство Президиума ЦК проголосовало «за».

Они единодушны с отцом в том, что ГДР, политический и военный форпост в центре Европы, отдавать Западу ни в коем случае нельзя. Однако когда, как прагматик, отец стал настаивать на подписании мирного договора с Австрией, предусматривавшего ликвидацию в этой стране зон оккупации и вывод войск бывших союзников, Молотов встал на дыбы. Он обвинил отца в непоследовательности: ГДР мы сохраняем, а в Австрии свои позиции сдаем. Отец терпеливо объяснял, что Австрия – не Германия, мы контролируем там клочок земли, а говорить о социалистической Австрии несерьезно. Нейтральная же Австрия, а она, в отличие от Германии, в силу своей малости действительно может и хочет стать нейтральной, послужит хорошим примером для других европейских стран. Подписав договор, мы политически только выиграем. Отец Молотова так и не переубедил. Их разговоры переросли в споры, порой на повышенных тонах. Однако, когда Президиум ЦК проголосовал за подпи-

сание мирного договора с Австрией, Молотов подчинился партийной дисциплине. Еще XI съезд партии сурово осудил любые проявления инакомыслия, фракционности. Идти против решений съездов Молотов не мог.

Еще болезненней, чем с Австрией, обернулась для Молотова история с Тито. Он искренне считал Тито ренегатом и предателем. Так говорил Сталин, а Сталин не мог ошибаться. Когда отец собрался мириться с Тито, более того, в мае 1955 года вознамерился ехать к нему на поклон в Югославию, Молотов взъярился. Дело едва не дошло до открытого разрыва с отцом. Но Президиум проголосовал за нормализацию отношений с Югославией, пока только на государственном уровне, это явная уступка Молотову, и он смирился. Партийная дисциплина – есть партийная дисциплина.

Замену в январе 1955 года Маленкова на Булганина в качестве главы правительства Молотов воспринял спокойно, оба они – отцовы друзья и оба не политики, так... администраторы-регистраторы. Более того, он считал, что сам Хрущев, а не его протеже, должен возглавить Совет Министров. Однако Президиум ЦК проголосовал иначе, и он присоединился к большинству. Теперь, когда решение принято, Молотова раздражало, что в совместных заграничных вояжах отец, будучи всего лишь членом делегации, подминает под себя главу делегации Булганина, Председателя правительства. Молотов расценивал такое поведение как неверное по существу и производящее неблагоприятное впечатление на иностранцев.

В гости к Тито Булганин с отцом отправились без министра иностранных дел. Булганин смирился, по крайней мере внешне, со своей, по сути дела, декоративной ролью. В моменты острых дискуссий он легко уступал пальму первенства отцу.

А вот в июле 1955 года в Женеву на встречу руководителей четырех держав-победительниц во Второй мировой войне: СССР, США, Англии и Франции отправились даже не втроем, а вчетвером – Булганин с отцом, с ними министры Молотов с Жуковым. В Женеве Молотов не упускал случая выговорить отцу, пока приватно, за каждое «отступление от протокола», вмешательство в прерогативы главы делегации, а они происходили почти ежедневно. Булганину тоже доставалось от Молотова уже за инфантильность.

Дело не сводилось к рутинным ответам на вопросы журналистов или доминированию в застольных беседах, однажды отец открыто дезавуировал слова главы своего правительства и главы советской делегации. Президент Эйзенхауэр тогда носился с планом «Открытого неба», облета территорий СССР и стран Варшавского договора разведывательными самолетами США так же, как и западноевропейских государств и США советскими самолетами. Тем самым, по мнению Эйзенхауэра, не останутся незамеченными чьи-либо возможные приготовления к войне. Эйзенхауэр ссылаясь на внезапную японскую атаку американской военно-морской базы Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Булганин не уловил в словах американского президента подвоха и пообещал подумать. Эйзенхауэр облегченно вздохнул, глава советской делегации заглотнул наживку. Но не тут-то было. Сидевший по левую руку от Булганина отец придерживался иного мнения: разведывательные облеты территорий могут предотвратить внезапное нападение, а могут содействовать такому нападению. Ведь силы СССР и США далеко не равны, но американцы пока не знают, насколько они сильнее нас. Они верят, что мы сильнее, чем есть на самом деле, и боятся нас. Их попытки выяснить реальное соотношение сил засылкой шпионов и самолетов-разведчиков к успеху не привели, шпионов – арестовывали, самолеты – сбивали. И вот теперь они доби-ваются согласия получать информацию о наших оборонительных возможностях легально. Стоит им облететь наши тылы, и они поймут, насколько Советский Союз слаб. А это уже очень опасно. Из донесений разведки и докладов посла отец знал так же, как знал и Булганин, что командующий американской стратегической авиацией Куртис Лемэй неоднократно предлагал американским президентам, сначала Трумэну, а потом Эйзенхауэру, разгромить

Советский Союз. Разгромить, пока не поздно, пока он не набрал силы. Я упоминал об этих стратегических разработках нападения на Советский Союз. Американские президенты генеральные меморандумы отвергали, но если они убедятся в нашей слабости, то могут и согласиться. Облеты нашей территории могут не предотвратить, а спровоцировать войну. Рисковать тут нельзя никак.

Отец посчитал, что не может не вмешаться в разговор. Извинившись, что вынужден противоречить главе делегации, он твердо заявил о неприемлемости для Советского Союза «Открытого неба». «Наше небо останется закрытым для шпионажа», – заявил Хрущев.

По возвращении в резиденцию Молотов выговорил отцу за недипломатичность его поведения. Отец отпарировал: когда речь идет о безопасности страны, не до дипломатии. В Москве отец надиктовал ответ Эйзенхауэру, разъясняющий, почему мы не соглашаемся на облеты территории Советского Союза. Подписал его, естественно, Булганин, глава правительства.

Инцидент в Женеве пока еще особого резонанса не вызывал. Считалось, что разногласия, обсуждения и даже споры – естественны для коллективного руководства. Вот только что это такое – коллективное руководство, никто не удосужился сформулировать. В демократии есть партия, стоящая у власти, и оппозирующая ей оппозиция. И та и другая стороны имеют задающего тон лидера. Все остальные или следуют за ним, или, если лидер их не устраивает, сменяют его. Провозглашенное после Сталина советское коллективное руководство отвергало чье-либо лидерство, квалифицировало его как культ личности. Но руководство без лидера и лидерства не бывает, такая власть называется анархией.

Лидерство отца, как я уже писал, определилось после ареста Берии. Теперь, в спорах с Молотовым, он только упрочивал свое положение.

Ни целина, ни мелкие стычки вокруг протокола государственных визитов пока не обнажали подспудного размежевания в Президиуме. Вопрос о Сталине, о совершенных им преступлениях – вот что столкнуло отца с Молотовым лоб в лоб.

Вячеслав Михайлович любил Сталина более кого-либо на свете, более своей жены Полины Семеновны, отправленной Сталиным на долгие годы в тюрьму, более своей единственной дочери Светланы. Эту любовь он пронес сквозь всю свою жизнь. Он стал тенью Сталина и гордился своей «теневой» ролью. При Сталине Молотов исполнял роль заместителя и одновременно особо доверенного секретаря. Сталин надиктовывал ему свои решения и на заседаниях Политбюро, и на совещаниях с военными во время войны, и на нескончаемых сталинских обедах. Молотов всегда держал наготове блокнот и карандаш. Авторучкам он не доверял: ненароком в кармане протекнут или клякс наставят.

В конце своей жизни Сталин Молотова отставил, перестал приглашать на дачу, во всеуслышание объявил его американским шпионом. Молотов не сомневался, что конец его близок, но Сталина любить не перестал.

Разоблачение отцом преступлений Сталина на XX съезде – часть из них Молотов искренне считал ошибками, а главные просто не признавал, – он, наверное, единственный в Президиуме ЦК, воспринял как личную обиду, «напраслину», возведенную на любимого им человека. Против коллективного решения, одобдившего «секретный» доклад, Вячеслав Михайлович не пошел, но с этого момента отца попросту возненавидел. Он уже не переносил ни отца, ни то, что он предлагал и делал, ни что и как он говорил. Открыто неприязнь Молотова выплеснулась в мае 1956 года при обсуждении итогов визита в Англию.

Отец там, как и в Женеве, пару раз перехватывал инициативу, перебивал Булганина, главу делегации. Первый раз это произошло в Военно-Морском колледже в Портсмуте, где за обедом начали обсуждать роль надводного флота в ядерной войне. Не чувствуя себя до конца уверенным, Булганин сам подтолкнул Хрущева: «говори ты». Отца дважды просить не пришлось. Второй и последний раз отец вмешался, когда на встрече с лейбористами в

Парламенте они передали Булганину список арестованных в восточноевропейских странах народной демократии еще при Сталине их собратьев по социал-демократическому движению и попросили освободить их. Булганин согласился и положил список в карман, повел себя так, как если бы речь шла о его собственной стране. Отец встрепнулся: мы только что заявили, что больше не будем вмешиваться во внутренние дела наших союзников и вот на тебе – Сталин приказал их арестовать, а теперь Булганин обязуется их освободить. А если поляки с болгарами придерживаются иного мнения, у них свои отношения внутри их стран. Отец вмешался в разговор, заявил, что лейбористы обратились не по адресу, если хотят, пусть свяжутся с правительствами интересующих их независимых, он подчеркнул, независимых, государств напрямую. Вышел конфуз, Булганину пришлось вернуть список. На мой взгляд, отец в обоих случаях действовал обоснованно. А вот Молотов считал иначе и затеял целое разбирательство. Отец отбивался, их перепалка взаимных симпатий не прибавила, к тому же произошла утечка. По Москве поползли слухи. Теперь уже и отец разобиделся на Молотова. За глаза повторял данное тому Сталиным прозвище «каменная задница». Молотову все, естественно, пересказывали в красках. Его неприязнь к отцу день ото дня возрастала. Вскоре наступила развязка. Воспользовавшись визитом президента Югославии в Советский Союз, отец в июне 1956 года убрал Молотова из Министерства иностранных дел.

Дело было не только и не столько в Тито. Он устал от непрекращающихся стычек с Молотовым по поводу отношений с Западом. Отец хотел договариваться, а Молотов занимал бескомпромиссную «сталинскую» позицию. И вот теперь он подыскивал замену Молотову на министерском посту – уж очень тот одиозная фигура, а с Тито он вообще не то что договориться, разговаривать не в состоянии. На место министра иностранных дел отец продвигал Шепилова. Он возлагал на Шепилова большие надежды как на единомышленника и союзника в налаживании отношений с Америкой, Европой, прокладывании пути в Африку, Азию, на Ближний Восток. Отец твердо вознамерился выводить Советский Союз на мировую арену. Хватит нам сидеть взаперти в своих границах, надо показать миру, и не на словах, а на деле, что мы – мировая держава. Внешне все выглядело невинной рокировкой, Вячеслав Михайлович, с его авторитетом и опытом, оставаясь первым заместителем Председателя Совета Министров и членом Президиума ЦК, своего влияния не потеряет. На деле же, и Молотов это отлично понимал, отец его задвигал, и задвигал навсегда. Молотов хорошо знал Шепилова по работе в ЦК. Тот всегда держал нос по ветру и, естественно, не только не станет на него ориентироваться, но сделает все, чтобы отставить его, Молотова, от международных дел. Президиум проголосовал «за», и Молотов не мог не подчиниться партийной дисциплине.

В результате, Молотов оказался как бы не у дел. К иностранным делам Шепилов его, как и ожидалось, не подпускал на пушечный выстрел. Вячеслав Михайлович не знал, чем себя занять, и в середине июля 1956 года надумал съездить в Донбасс. В 1920 году он секретарствовал в Донецком (тогда Донецк назывался городом Троцк) губернском партийном комитете, через год встал во главе всей Украины. Последний раз Молотов посетил Донбасс в мае 1933 года уже в качестве председателя правительства. И вот теперь, на досуге, столь понятная старикам ностальгия потянула его навестить места, где прошли молодые годы.

Поводом для поездки послужили очередные упущения в угольной отрасли. Вячеслав Михайлович написал записку в Президиум ЦК с обоснованием своей поездки. Без формального одобрения Президиумом его члены не то что в Донбасс, в отпуск не ездили. Послесталинское руководство помех таким поездкам не чинило, отец много разъезжал сам, считал, что «знакомство с жизнью» идет на пользу членам высшего руководства страны.

Но не на этот раз. Отец вообще ревниво относился к вмешательству кого-либо (помимо его самого) в дела «его» Украины. А тут Молотов. Что он понимает в угле, в шахтах, в Донбассе? На фоне уже почти нескрываемой взаимной неприязни желание Молотова прока-

тяться в Донбасс отец расценил как вызов. Возможно, даже как попытку прощупать местное партийное начальство, но я в это не особенно верю. Догматик Молотов не пошел бы против уже упомянутого мною решения XI съезда партии, запрещавшего какую-либо фракционную деятельность. Любая критика центра в разговорах с секретарями обкомов воспринималась Сталиным, а значит и Молотовым, как нарушение партийной дисциплины и заслуживала сурового наказания. Молотов такого себе позволить не мог. Одно дело обсуждать, даже осуждать поведение Хрущева в своем кругу, в крайнем случае, поставить вопрос об отрешении его от должности, а затем вынести уже готовое решение на формальное утверждение Президиумом ЦК. И совсем другое – выносить сор из избы, по-троцкистски возбуждать «низы», затевать дискуссию, пусть и приватную. Нет, такого Вячеслав Михайлович и вообразить себе не мог.

Отец тоже навряд ли всерьез считал возможным заговор против себя, тем более в связи с поездкой Молотова в Донбасс. Он выступил против из ревности. Тут же, на заседании Президиума ЦК, вызвался сам съездить в Донбасс, затем объехать и другие угольные регионы Украины, профессионально разобраться во всех их проблемах, изложенных и не изложенных в записке Молотова.

Члены Президиума согласились с отцом, 3 августа 1955 года постановили: «Поехать в Донбасс тов. Хрущеву (а не тов. Молотову), числа 13 августа».

Молотову в порядке компенсации предложили на выбор посетить Баку или на Украине Кривой Рог, Никополь и Запорожье. Молотов разобиделся вконец, но все-таки по дороге в Крым, на свою любимую дачу в Мухалатке, 9 – 14 августа побывал и в Кривом Роге, и в Никополе, и в Запорожье. Принимали его там прохладно. Украинское республиканское руководство им вообще не заинтересовалось, они готовились к приезду Хрущева. Естественно, все это симпатии к отцу у Молотова не прибавило. Да и о какой симпатии можно было говорить в августе 1956 года?

13 августа, как и предписывалось решением Президиума ЦК, отец выехал в Донбасс. В тот же день он вместе с Первым секретарем ЦК Компартии Украины Кириченко осмотрел железобетонные крепления штреков на строительстве шахты «Ветка-Глубокая», неподалеку от столицы Донбасса Сталино (Донецка), затем переехал в Макеевку, город его юности, спустился в шахту 13-бис, осмотрел выставку горнопроходческого оборудования. 14 августа он снова в шахте, теперь уже № 1 имени Челюскинцев, а затем совещался с местным руководством, обсуждал проблемы угольщиков с директорами заводов и шахт, учеными и инженерами.

15 августа он переехал в соседнюю Ворошиловградскую (Луганскую) область, в поселок Красный Луг. Там с использованием новейших технологий прокладывали шахту Ново-Павловскую. После осмотра шахты – еще одно совещание. Строительством шахты отец остался доволен, а вот условия жизни шахтеров его огорчили: теснота, скученность, отсутствие удобств. Он выговорил Кириченко, тот обещал принять меры, но тут же пожаловался на Москву – Госплан и министерства задерживают, а то и вовсе зажимают фонды. На переговоры с ними, уговоры даже у него, члена Президиума ЦК, уходят недели и месяцы. Отец прекрасно понимал Кириченко, в свое время он сам натерпелся от московской бюрократии.

16 августа отец возвратился в Сталино, собрал совещание с участием московских и украинских министров и по его окончании поехал в Исследовательский институт механизации угольных шахт еще раз поговорить с учеными.

17 августа он выступил на митинге в Сталино, где на центральную площадь собралось практически все население города и окрестных поселков, не столько послушать Первого секретаря ЦК КПСС, сколько поглядеть на своего знаменитого земляка.

18 августа отец уже в Днепропетровске разбирался с состоянием дел в черной металлургии Украины. Дальше путь его лежал на запад, в не столь знаменитый, как Донецкий, но тоже очень важный, Львовско-Волынский угольный бассейн.

20 августа он проводит в общении с шахтерами Нововолынска, 21-го и тут спустился в шахту, выступил на совещании и городском митинге в Червонограде Львовской области, а вечером проинспектировал окрестные колхозные поля. День получился насыщенным до предела.

22 августа отец возвратился в Москву. По возвращении разослал членам коллективного руководства подробную, изобилующую техническими тонкостями записку. 24 августа 1956 года Президиум ЦК заслушал отчет Хрущева о поездке: «Положение с углем плохое. Неслаженность в работе. От Госплана и Госэкономкомиссии идет полная неразбериха. За 1956 год из-за понижения производительности труда себестоимость тонны угля выросла более чем на 6 рублей».

Булганин, Сабуров, Первухин, Каганович, Маленков согласились с Хрущевым: «Госплан работает плохо». Находившийся в отпуске Молотов на заседании отсутствовал.

Далее отец говорил о деталях, но деталях очень важных – сравнивал наш технический уровень с последними западными достижениями: «Ленточные транспортеры – короткие, у англичан они много длиннее, а значит, производительнее. Шахтные подъемники у шведов более производительны». Правда, у нас «хороши железобетонные крепления».

«Главная проблема – нехватка жилья, – отметил отец и с горечью констатировал: – Все растаскивают». Президиум постановил: «Продланную работу одобрить. Выводы признать правильными. Записку Н. С. Хрущева разослать».

Поездкой отец, несмотря на коллизии с Молотовым, остался доволен. Не только на Президиуме ЦК, но и дома рассказывал, как он спускался в шахту, она теперь смотрится куда лучше, чем после войны, уголь крошат специальными машинами, о кайле там уже позабыли, и конечно, бетонные столбы, поддерживающие потолки тоннелей от обрушения, не идут ни в какое сравнение со старыми деревянными подпорками. Молотова отец дома не поминал, как и не вспомнил о нем и на Президиуме ЦК.

До конца года на заседаниях Президиума ЦК они еще не раз вернутся к обсуждению угольной отрасли, вернее проверке выполнения задач, изложенных в записке.

Из отпуска Вячеслав Михайлович возвратился в конце сентября, а 21 ноября 1956 года отец пристроил промаявшегося почти полгода без определенных обязанностей Молотова министром государственного контроля. Должность, считал отец, как раз по его характеру. При этом разобиженный Молотов, как и Каганович с Сабуровым, остался первым заместителем Председателя Совета Министров и полноправным членом Президиума ЦК.

Впоследствии Вячеслава Михайловича оппозиционеры представят в качестве альтернативы Хрущеву. Годился ли Молотов в руководители страны, судить не берусь. На мой взгляд, не годился, уж слишком долго он просидел в «секретарях» у Сталина. А вот знаменем оппозиции он вполне мог стать. Молотова в стране чтили.

О Маленкове я уже написал достаточно. Он по-прежнему демонстрировал отцу свою «искреннюю» дружбу. Не прекращались и наши семейные прогулки. Но все это до поры до времени. Я думаю, что Георгий Максимилианович в определенном смысле вел себя искренне. Однако появившись у отца достаточно сильный конкурент, Маленков, без сомнения, немедленно переметнулся бы на его сторону.

Булганин, как и Маленков, признавал лидерство отца. Пребывание на вторых ролях его внутренне не задевало, они с отцом работали в таком тандеме еще с 1930-х годов: отец – секретарь Московского комитета, он – городской голова, председатель Моссовета. Однако постоянное педалирование Молотовым его «второсортности» давало свои плоды. Если раньше Николай Александрович без обиды воспринимал подшучивание над собой,

смеялся вместе с отцом, то теперь, с какого-то момента, оно его все больше раздражало. Булганин еще не созрел для открытой оппозиции отцу, но зрел. От отца зависело, созреет ли он, чью сторону примет Булганин в случае конфликта в руководстве страны. Однако отец не замечал происходивших в Булганине перемен. Он продолжал вести себя с ним по-приятельски. Булганин же больше себя в приятелях отца не числил.

Ворошилов, Председатель Президиума Верховного Совета, к номинальной роли «президента» и члена Президиума ЦК давно привык. Если бы не история со Сталиным на XX съезде, он бы цепко держался за отца. Но Сталина он простить Хрущеву не мог и не хотел. Со Сталиным Ворошилова связывала вся его жизнь. Они вместе в Гражданскую войну создавали Первую Конную армию. Вместе воевали с белыми, и не только с белыми, но и с собственными возмнившими себя стратегами выскочками – Троцким с Тухачевским. Теперь же получалось, что Тухачевский – не раздавленный враг, а невинная жертва. И это только начало. Где гарантия, что завтра не реабилитируют самого Троцкого? Что тогда останется от него самого, от Ворошилова? Климент Ефремович пока не изменял отцу, но внутренне был готов изменить при первой возможности.